

В НАШЕЙ газете нет колонки главного редактора: "Аргументы" задуманы как совместное творчество читателей и журналистов. Но этот случай - особый. Умерла Галина УЛАНОВА. В последнее лето ее жизни судьба подарила мне счастливую возможность общаться с ней. Сейчас, когда Улановой не стало, особенно хочется удержать этот момент: Уланова - живая - рядом.

МЫ ОКАЗАЛИСЬ вместе в санатории. Момент встречи теперь кажется сном. Почти китчевый кадр из какого-то сладкого фильма. Я сижу на берегу озера. В озере - белые лебеди. По тихой воде плывет лодка. На веслах сидит некая старушка - божий одуванчик. Я думаю: "Как похожа на Уланову!"...

Лодка причаливает к берегу. И выходит из нее... Уланова. Проходит мимо садовой лавочки, где я сижу, спрашивает: "Не помешаю? Хочется передохнуть..."

Села рядом. И тут ее понесло. Нарочно употребляю это слово, потому что для меня было неожиданностью ее желание общаться. Уланова всегда была молчалива. Теперь я думаю, что она, быть может, уже предчувствовала свой уход - потому испытывала такую потребность в собеседнике?

Сразу сказала: "Знаете, у меня умерла подруга, которую я удочерила. Осталась я совсем одна". Я спросил, пишет ли она мемуары. "Пытаюсь, - ответила Уланова, - но, знаете, я даже писать разучилась (смеется). Все Таня (так звали эту подругу) делала..." Ей стало трудно жить. Большая квартира, которую надо содержать, пыль кругом. Призналась, что питается одними бутербродами - единственное, что умеет сама делать... Я удивился, почему ее не видно на обедах. Ответила: "Все обращают внимание - мне это в тягость"...

Произношу в ответ что-то вроде: "У вас, Галина Сергеевна, судьба такая - быть живым памятником..." - точно не помню. Но отчетливо помню, как поразило меня это сочетание: всеобщего людского интереса и полного ее одиночества. Она гуляла по парку одна. В аллеях мелькала ее белая, как лунь, голова.

* * *

КОГДА она рассказывала о себе, меня удивило и другое: Уланова почти не говорила "я" - в ее рассказах фигурировало "мы". Поначалу даже трудно было понять, о ком она говорит: "Мы очень любим Ленинград..." Мы так и не привыкли в Москве, хотя столько лет прошло с тех пор, как это случилось: Сталин нас позвал в Москву... Мы вынуждены были подчиниться..."

Я все время путался. Когда Уланова говорила "наши родители воспитывали в нас исключительную самодис-

циплину", я то и дело переспрашивал: "У вас, Галина Сергеевна, были сестры?" Она удивлялась и продолжала: "Мы и до сих пор живем по заповедям родителей. Нас учили прежде всего скромности: мы же были очень бедны! Мы носили перелицованное мамино платье..."

Ее скромность - чистая правда. Но бывая практически на всех улановских

творческих вечерах, я неоднократно ловил себя на мысли, что она расчетливо строила на этом свою стратегию звезды. Скромность ставила ее выше всего мирского: разборок в Большом театре, карьерного продвижения... Она даже немножко эксплуатировала ее, сочетая с полной карьерной признанностью: Уланова была дважды Героем Соцтруда, причем последнюю "гертиду" получила - что было неслыханно! - уже за свою педагогическую деятельность. Скромненько прижимаясь к стене, Уланова шла от угла Большого театра к артистическому подъезду. Одета при этом в шикарную норковую шубку. И к театру подъехав на роскошном - каким-нибудь иностранным президентом подаренном - "кадиллаке"...

Как тысячи зрителей до меня, я разразил Галине Сергеевне свое восхищение. Реакция меня удивила. Казалось, ей это даже не польстило. В Улановой напрочь отсутствовало самовосхищение. Только один раз она вдруг гордо сказала: "Ну-ка, пощупайте мою руку!.. А теперь - ногу!..." Ей было во семьдесят восемь. Пару лет назад она перенесла инсульт. Но мышцы ее были - как сталь.

Моя Уланова со сцены не уйдет...

Пояснила: "Каждый день занимаюсь тренажом. По несколько часов". А я в тот момент почему-то вспомнил, как завистливо говорят за кулисами про танцоров: "Видал, у нее железный носок!"...

* * *

ЕЩЕ она рассказывала о своих знаменитых, ставших историческими лондонских гастроях: "Все начиналось

продолжались. Казалось, это длится бесконечно. А когда мы вышли из гримерной на улицу, то увидели собравшуюся у двери огромную толпу... Сели в машину. Шофера не было, а машина ехала. Оказалось, машину несут на руках..."

Я никак не мог привыкнуть к тому, что Уланова говорит о себе во множественном числе. Но это было не императорское "мы" ("Мы, Николай Второй") - это было "мы" вместо "я", от которого даже Уланову отучила эпоха насильственного коллективизма.

Она продолжила: "Потом мы получили письмо от Греты Гарбо. Она писала, что хочет с нами встретиться. Это была огромная радость, потому что мы всегда преклонялись перед Гарбо... Но, к величайшему сожалению, встреча не состоялась. Грета Гарбо не смогла подъехать к назначенному месту. Узнав о месте встречи, лондонцы образовали по всему кварталу непроходимую толпу..."

Уланова несколько раз повторила: "Как жалко, что наша встреча не состоялась". Призналась, что всегда чувствовала особое духовное родство с Гарбо - что они с ней в чем-то похожи...

* * *

МНЕ думается, что это очень верно. Гарбо - гений чистой духовной красоты - вселяла то же самое чувство, которое охватило меня, когда я - девятнадцатилетний студент, впервые приехавший в Москву, - в первый раз увидел в Большом театре танец Улановой. Восьмое января - день ее рождения. В Большом по этому поводу устраивали ее творческий вечер.

В воздухе уже, видимо, висело предчувствие ее скорого ухода со сцены, и достать билет было совершенно невозможно. Я купил его у спекулянта за немислимые по тем временам деньги - семь рублей. Но была бы возможность, заплатил бы вдесятеро больше. Потому что в тот день мне посчастливилось увидеть Уланову во всех ее лучших ролях: "Жизель", "Шопениана", "Ромео и Джульетта"...

Тот вечер я помню абсолютно отчетливо до сих пор. "Жизель". Открываются двери домика лесничего - и появляется Она. Меня поразило, что Уланова несколько сутуловата, но через секунду я влюбился в эту сутуловатость, которая придавала ей совершенно особенный, чуть скорбный вид... Помню сцену сумасшествия. Потрясло, как плакали в этот момент люди - почти все... И помню знаменитый ее пробег в "Ромео и Джульетте". Его невозможно описать. Ощущение, что Уланова бежит по сцене бесконечно долго. На это время замирало сердце. А она летела вечно: навстречу своему Ромео. Своей любви и своей гибели...

Владислав СТАРКОВ